

В индийской деревне

Л. ШАПОШНИКОВА

ПОЧАМПАЛЛИ

Полтора десятилетия назад в Теленгане началось одно из крупнейших в истории Индии крестьянских восстаний. Доведенные до отчаяния притеснениями низама и помещиков, люди поднялись на защиту своих прав. Лозунг «Землю тем, кто ее обрабатывает» был подхвачен во всех уголках пылающей Теленганы. Крестьяне нападали на помещиков и ростовщиков, жгли их усадьбы, а кое-где и делили помещичьи земли. Волнения продолжались и после ввода индийской армии в княжество Хайдарабад. Огонь революционного восстания грозил распространиться на всю южную Индию. Помещики забеспокоились. В любой момент они могли лишиться своей собственности. Войска подавляли восстание, но справиться с ним было не так-то просто. И вот тогда в апрельский день 1951 года в теленганской деревушке Почампалли появился сподвижник Ганди Ачария Виноба Бхаве. Бхаве уговаривал крестьян прекратить «насильственную» борьбу и довольствоваться тем, что они имеют. В ответ раздавалось одно: «Дайте нам земли!» И Бхаве, как ему казалось, нашел выход из положения. Он обратился к помещикам: «Кто даст землю крестьянам?»

Напуганные восстанием, крупные землевладельцы решили: лучше отдать добровольно часть земли, чем лишиться всей. Господин Рамачандра Редди первый пожертвовал в пользу безземельных крестьян сто акров. Имя Редди вошло в историю. Вслед за ним потянулись другие помещики. Так возникло в Индии движение бхудан: «бху» — это земля, «дан» — пожертвование.

В Теленгане движение имело успех. Перед измотанными долгой и безнадежной борьбой крестьянами забрезжила надежда, что бхудан даст им возможность наконец получить землю; помещики же с помощью бхудана хотели отвести от себя карающую руку повстанцев. Успех движения в Теленгане дал Бхаве основание говорить о «бескровной аграрной революции» индийского образца. Вокруг Бхаве засиял ореол «второго Ганди». Правительство и Национальный конгресс объявили о своей поддержке бхудана. В стране стали создаваться комитеты по сбору земли.

Но в других штатах Индии дело пошло гораздо хуже. Там было спокойно, и помещики не считали нужным благодетельствовать безземельным. Помещики остаются помещиками везде, и в Индии тоже. Правда, кое-что удалось собрать, но... пожертвованные земли были большей частью негодными к обработке. Так при ближайшем рассмотрении «бескровная аграрная революция» оказалась не более чем пропагандистской шумихой, поднятой вокруг ограниченного благотворительного и филантропического мероприятия. Даже в штате Андхра-Прадеш (куда входит Хайдарабадская Теленгана) за восемь лет было собрано только 180 тысяч акров земли,

да и из них лишь 92 тысячи акров годились под посевы. А что значат эти 92 тысячи для миллионов безземельных крестьян? Капля в море.

Чем очевиднее становилась неспособность движения бхудан решить основной вопрос — вопрос распределения крестьян землей, тем интенсивнее работала на него пропагандистская машина. Появились многочисленные книги и публикации о бхудане. Центральные газеты уделяли ему целые полосы. Радио сообщало об очередных «походах» Бхаве. Но статьи и речи — это не земля. Земли по-прежнему не было. Зато появились естественные в таких условиях настроения разочарования и пессимизма среди деятелей движения бхудан.

...Хайдарабадский комитет содействия бхудану помещается в здании местной организации Национального конгресса. Над простым деревянным столом висит портрет Ганди. За низкой перегородкой, где принимают посетителей, вообще ничего нет — только на полу несколько циновок, покрытых кусками домотканой ткани. Мы беседуем, сидя на этих циновках. Молодой конгрессист говорит:

— Весь вопрос в том, что землю мы собираем, а вот распределять часто нечего.

— Почему же?

— Видите ли, помещики уже забыли Теленгану. Теперь там спокойно. Они с большой неохотой дают землю, да и то такую, которая никуда не годится. В общем, поезжайте, посмотрите сами. Нам очень трудно. Откровенно говоря, я разочаровался в бхудане. Я ожидал от него большего.

— Чего именно?

— Бхаве сказал, что через бхудан мы сможем ликвидировать безземелье лет за пять. И вот идет девятый год бхудана, а положение почти не изменилось. Поговорите еще с Прабхакаром-джи. Это один из старых участников движения.

Прабхакара я застаю за низким столиком в одной из комнат комитета. Небольшого роста, с впалой грудью и узкими плечами, он напоминает мальчика-подростка. На нем традиционное дхоти и простые сандалии. Прабхакар настроен более оптимистично, нежели его молодой коллега. Он описывает деревни бхудана и говорит, что это продолжение «великого учения Ганди-джи о ненасилии».

— Прабхакар-джи, — говорю я, — мне бы хотелось посмотреть эти деревни.

Прабхакар на мгновение задумывается.

— Хорошо. Может быть, я с вами поеду тоже.

После этого разговора я жду поездки. Но она почему-то все откладывается. То сам Прабхакар занят, то человек, который может его заменить, не приехал. Каждый раз я выслушиваю путанные и туманные объяснения. Поездка «срывается» во второй, в третий и, наконец, в четвертый раз. Ясно, что мне не хотят показывать деревни бхудана. Огорчилась ли я? Конечно, нет. Я твердо знала, что дела

с бхуданом обстоят далеко не так блестяще, как хотелось бы Прабхакару-джи. Я перестала настаивать. Чтобы как-то смягчить этот завуалированный отказ, Прабхакар пообещал мне показать деревню Почампалли — родину бхудана. Это обещание он сдержал.

В Почампалли я попала в один из апрельских дней, когда здесь состоялись празднества по случаю восьмой годовщины зарождения бхудана.

Поднимая клубы горячей пыли, старенький автомобиль въехал на деревенскую площадь. На площади и на углах узких улиц дежурили полицейские. Душный зной плыл над плоскими крышами домов, над головами толпящихся крестьян, над небольшой, наспех сооруженной сценой. Было пять часов вечера, но жара не спадала. Ждали гостей и самого почетного из них — министра финансов Индии Морарджи Десаи. До начала торжества еще оставалось время, и я решила пройти по деревенским улицам.

Деревня была довольно большая — 721 дом, около 3300 жителей. В течение нескольких лет Почампалли превратили в образцовую деревню бхудана. В ее пользу была пожертвована тысяча акров земли, которую распределили между крестьянами. В результате среди жителей, занимавшихся сельскохозяйственным трудом, не осталось безземельных: 329 семей владеют собственными участками, 61 семья — арендаторы с правами защищенной аренды. Остальные — а их более двух тысяч человек — ремесленники. Обрабатываемая земельная площадь составляет 6420 акров. Выращивают здесь в основном рис и просяные культуры — джовар и баджру. На земле, полученной сельскохозяйственными рабочими и деревенскими «дхоби»¹, создано два кооперативных общества по совместной обработке земли.

Почампалли входит в блок «общинного развития». Вместе с блоком крестьяне оросили свои земли и вырыли колодцы. Блок снабжает их семенами и удобрениями. И если говорить откровенно, то именно ему во многом обязана деревня теми изменениями, которые произошли в ней за последнее время. Именно правление блока практически содействовало развитию деревенской промышленности. Достижения в этом отношении большие. В Почампалли существует несколько ремесленных центров. Самый большой из них — кооперативное общество ткачей, насчитывающее 305 членов. Здесь производятся знаменитые почампалльские сари, часть продукции идет даже на экспорт. Центр имеет свои красивые мастерские, собственное отделение по продаже готовой продукции. Месячный доход кооператива составляет 36 тысяч рупий. Располагая достаточными ресурсами, правление решило построить новые дома для кооператоров. На окраине деревни возник новый, хорошо распланированный поселок. Каменные добротные дома совсем нетохожи на прежние глинобитные хижинки ткачей. У входа в поселок на невысокой арке надпись: «Жилищная колония кооперативного общества ткачей». В поселке более ста домов. Некоторые из них еще не достроены.

В Почампалли есть и центр по производству ханди — дешевой тонкой ткани. Он ежемесячно приносит около шести тысяч рупий. Кроме того, существуют пошивочный пункт, центр по производству пальмового сахара, центр по выделке циновок и т. д.

В день годовщины бхудана в деревне была орга-

низована выставка местных изделий. Особенно много было тканей. Сари радовали глаз сочными красками. По соседству с тканями лежали цветные коврики из пальмовых листьев, стояли затейливо сплетенные корзины. На узких столах были разбросаны матово-коричневые головы пальмового сахара.

Лучше стали жить не только ремесленники, но и прежние безземельные бедняки. Объединенное кооперативное общество сельскохозяйственных рабочих недавно получило ссуду в десять тысяч рупий на постройку своей жилищной колонии. Мне показали место, где уже заложены фундаменты первых домов.

В деревне теперь действует кредитное кооперативное общество. В нем состоит 230 человек, капитал — пять тысяч рупий. Общество освобождает крестьян от извечной ростовщической кабалы.

Недавно в Почампалли построили начальную школу, а теперь поговаривают уже и о средней. Учатся не только дети, но и взрослые. 50 крестьян занимаются в двух вечерних школах.

Почампалли — деревня образцово-показательная. Это, пожалуй, одно из немногих мест, где бхудан принес ожидаемые плоды. Почампалли опровергает теорию об «общей нехватке» земли в Индии, о «перенаселенности» страны. Безземельные в Почампалли получили землю. Значит, земля в Индии есть. Мне сказали, что не везде помещики такие «добрые». Ну, а если это так, то нужно ли соблюдать в отношении их пресловутый принцип «добровольности»?

В Почампалли создан панчаят — орган деревенского управления. Во главе его стоит небезызвестный господин Рамачандра Редди — первый жертвователь. В этот день Редди чувствовал себя именинником. Высокий, сухощавый, с жестким взглядом, он суеился и покрикивал на крестьян. Весь его вид говорил: «Помните, своим благополучием вы обязаны только мне. Да, только мне, и больше никому». Редди знают и почитают не только в штате, но и по всей Индии. Сто акров окупил себя с лихвой.

...Все больше и больше автомобилей пылит по деревенским улицам. Гости прибывают. Из машин выходят конгрессистские руководители, министры штата, деятели комитета бхудана. Полиция теснит любопытствующих крестьян от автомобилей. Мелькают гандистские шапочки, домотканые рубашки и дхоти. Крестьяне, заполняющие площадь, держатся на почтительном расстоянии от гостей. Среди прибывших — корреспонденты газет «Индиан экспресс», «Бомбей кроникл», «Вишалаандхра». Операторы кинохроники устанавливают камеры. Гости не обращают внимания на «хозяев». Они ждут Десаи. Но министр запаздывает. На улице, ведущей к площади, выстроились встречающие: оркестр с шотландскими волынками, конгрессисты и члены правительства штата, Рамачандра Редди, полицейские офицеры. Крестьян сюда не пускают. Наконец в конце улицы появляется черный лимузин с трехцветным флажком на радиаторе. Встречающие, едва не сбивая друг друга с ног, бросаются к машине. Дико взвизгнули шотландские волынки, защелкали затворы фотоаппаратов, зажужжали кинокамеры, лязгнули штыки на винтовках полицейских. Министр прибыл. Толпа городских гостей облепила Десаи. Крестьяне шли сзади.

Министр и высокопоставленные гости проследовали на сцену. Там уже расположился Редди со своим многочисленным семейством. Полиция усаживала крестьян с помощью длинных палок. Крестьяне метались, боясь попасть под удар, многие из них

¹ «Дхоби» — одна из бывших каст «неприкасаемых». Профессией «дхоби» была стирка белья.

В Почампалли ждут гостей — конгрессиистских руководителей, министров штата, деятелей комитета содействия бхудану. На улице выстроились встречающие. Полицейские следят за порядком и «рассаживают» крестьян с помощью длинных палок.

не понимали, что происходит. Крестьяне были телугу, а люди на сцене говорили длинные речи на хинди. Переводчика не было. Толпа, сидящая на площади перед сценой, качалась и вздыхала. Смельчаков, порывавшихся уйти, успокаивали полицейские палки.

Рядом со мной остановился старик. На его плечи было накинуто грубое одеяло.

- Отец, — спросила я его, — вы знаете хинди?
- Совсем немного, мэм-саб.
- А в деревне кто-нибудь еще знает?
- Очень мало кто.
- Вы понимаете, о чем говорят на сцене?
- Очень плохо.
- А что сейчас происходит, знаете?

— Нет. А к чему это? К нам приезжают и говорят часто. А что толку?

— А вы из Почампалли?

— Нет, из соседней деревни. Нам велели собраться здесь. У меня больные ноги, но пришлось идти. Это все для Почампалли. Им повезло. А у нас что? Все то же. Я скоро умру, а земли, наверно, и не дождусь.

Собрание продолжалось больше часа, и Десаи не стал задерживаться. Едва оно подошло к концу, министерский лимузин покинул деревню. Его сопровождал грузовик с полицией. Вслед за Десаи стали разъезжаться гости. Сверкающие «форды» обдавали клубами пыли медленно бредущих по дороге крестьян. Шел девятый год бхудана...